

УДК 316.334.55

ФАКТОРЫ РИСКА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА СЕЛЕ

Г.В. БРАЖНИК¹⁾
Н.В. ШЕВЧЕНКО²⁾

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: bsaa-brazhnik@mail.ru

²⁾ e-mail: Nshevchenko@bsu.edu.ru

В статье рассматривается роль социального капитала в развитии сельского социума. Выявляются условия формирования и воспроизводства социального капитала современного российского села. Актуализируется вопрос о возможности наращивания социального капитала села. Выявляются факторы риска при формировании социального капитала на селе и дается их характеристика.

Ключевые слова: социальный капитал, сельское общество, воспроизводство социального капитала, российское крестьянство.

Для социального развития современного российского села особую актуальность приобретают вопросы формирования и воспроизводства социального капитала сельского населения России, что обусловлено рядом факторов:

- социальный капитал выступал в качестве неотъемлемого элемента бытия селян;
- модернизационные процессы на селе существенно ослабили интегративные связи, создав вариант ситуации «распада связи времен»;
- в последнее время существенно усиливается поликультурный характер сельского социума, что стимулирует его конфликтогенность;
- осознание наличия серьезных проблем, возникающих в процессе формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей, заставляет акторов, действующих в социальном пространстве села, искать возможности его корректировки и оптимизации на основе развития культуры доверия, чаще всего уже за пределами сельской местности.

Под социальным капиталом мы понимаем комплекс ресурсов человека, группы или общества в целом, которые формируются и воспроизводятся при условии принятия субъектом интегрирующих с референтным окружением ценностей, соблюдения им значимых для взаимодействующих индивидов норм, обеспечивающих установление взаимного доверия и конвертирующихся в виде институтов и практик (способов, технологий), обеспечивающих достижение жизненных целей.

При этом формирование и воспроизводство социального капитала рассматриваем как процесс аккумуляции человеком, группой людей складывающихся на основе когерентности габитусов социальных связей и отношений, конвертирующихся в технологии, обеспечивающие достижение жизненных целей.

При исследовании формирования и воспроизводства социального капитала целесообразно выделять условия реализации этих процессов, характерные для конкретных групп. По нашему мнению, к числу важнейших условий в отношении сельского населения России следует отнести: изначально крестьянскую природу данной социальной группы; повседневный жизненный уклад, складывающийся под влиянием актуальных социальных процессов, современную культурную среду.

Рассматривая процесс формирования социального капитала на селе, мы исходим из того, что современные селяне – в большинстве своей – прямые потомки российского крестьянства, представлявшего собой особый социокультурный феномен, большую социальную группу, существование которой изначально ориентировано на постоянное воспроизводство социального капитала и поддерживалось им. Выход из крестьянской среды всегда означал более или менее полную и последовательную утрату традиционных связей, а кризис крестьянской культуры, прежде всего, был кризисом социального капитала, то

есть ценностей, норм и институтов, совместным действием которых создаются ресурсы, поддерживающие статус личности, обеспечивающие достижение ею жизненного успеха.

Крестьянские традиции в той или иной мере поддерживались в процессе функционирования советских колхозов, в которых преимущественно административно-экономическими методами формировался и воспроизводился социальный капитал. Правда, административно-экономический подход деформировал саму идею социальной интеграции на основе доверия и взаимного признания, но, хотя и принудительно, не позволял окончательно разрушиться традиционным связям и отношениям.

Очевидно, в настоящее время следует констатировать, что традиционного крестьянства с его ярко выраженной доминантной установкой на воспроизводство социального капитала более не существует. В сознании сельских жителей сохранились лишь некоторые инерционные образы некогда распространенных социокодов поведения, включающих в себя технологии формирования и использования социального капитала. Но они все более разрушаются в результате глобальных реформ аграрного производства и – соответственно – уклада жизни.

А. Крисанов, указывая на развитие данной тенденции, подчеркивает: «Национальное самосознание современной России почти не связано с пониманием и признанием ее совсем недавней «крестьянственности»¹. Негативное влияние процесс «раскрестьянивания» оказал, прежде всего, на степень проявления коллективистских традиций в жизни сельских жителей. Опираясь на результаты социологических исследований, В.П. Бабинцев и Н.М. Ечин, в частности, заключают: «Полученные результаты ... свидетельствуют о кризисе, переживаемом сельским сообществом, о распаде устойчивых коллективистских, по своей сути, взаимоотношений и связей, складывавшихся веками. Эти связи не были до конца разрушены в ходе многочисленных катаклизмов конца прошлого и нынешнего столетий. Но оказались подорванными в течение считанных лет – с конца 80-х – до конца 90-х гг. XX столетия»².

Таким образом, крестьянская природа сельского населения России оказывает все менее значимое влияние на формирование и воспроизводство социального капитала данной группы.

Решающее значение в этом процессе все более играет повседневный жизненный уклад, сформировавшийся в ходе преобразований аграрного производства и села в целом, которые проводились без наличия ясной стратегии, характеризовались непоследовательностью и привели к довольно противоречивым результатам.

Несколько лет назад саратовский исследователь П.П. Великий выделил ряд последствий аграрных реформ, которые, по нашему мнению, существенно влияют на социальный капитал сельских жителей: «1) хозяйственные результаты получены не там, где проектировалось (не в коллективных хозяйствах, а в ЛПХ)³; 2) социальные: наряду с появлением чувства социальной изолированности, отстраненности, ухудшением морально-психологического самочувствия появились элементы некой гражданственности (самостоятельные контакты с агентами рынка, навыки сбыта продукции, понимание экономического расчета, упущенной выгоды, прибыли); 3) духовные: появление ярко выраженной надежды на себя, уверенности в своих силах, оценка роли партнеров, государства; 4) социоструктурные: обозначились контуры границ между группами, выигравшими от приватизации: некоторым семьям досталась плодородная земля, техника, другие преимущества плюс личное трудолюбие, усердие, умение «крутиться»⁴.

Реформы создали качественно новые, нежели еще 20 – 25 лет назад условия для формирования и воспроизводства социального капитала.

¹ Крисанов А.А. Русская национальная идея и исторические судьбы русского крестьянства // Национальная идея в контексте российской ментальности. Орел, 2004. С. 47.

² Бабинцев В.П., Ечин Н.М. Ценностный мир современного российского крестьянства // Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001. С. 553.

³ С 2013 года к числу важнейших хозяйственных последствий для российского села следует отнести вступление страны в ВТО, следствием которого стало резкое обострение конкуренции на аграрном рынке.

⁴ Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // СОЦИС. 2007. № 7. С. 60.

Во-первых, произошло сокращение потребности в социальном капитале, основной причиной которой стала люмпенизация и маргинализация значительной части сельского населения, оказавшегося в категории малообеспеченных и нуждающихся. Опираясь на результаты общероссийских исследований М.К. Горшков пишет, что «67% собственно малообеспеченных и 75% нуждающихся из числа работающего населения страны сосредоточены в малых городах и селах»⁵.

Нужда и бедность, сокращая человеческие ресурсы, создают крайне неблагоприятные условия для формирования и воспроизводства человеческого капитала селян, поскольку, с одной стороны, дискредитируют в их глазах ценности, способные стать базовыми для интеграции и взаимодействия (человек сосредоточивается на потребностях более низкого уровня); с другой стороны, формируют у социальных акторов комплекс собственной неполноценности, неспособности возместить контрагенту усилия, затраченные на поддержку. При этом принципиально меняются традиционные модели взаимоотношений в сельской среде. В.И. Староверов характеризует происходящие изменения следующим образом: «Если вся предшествующая история развития России представляла собой более-менее последовательную цепь вовлечения во всеединство общественного бытия всех сословий и социальных слоев самой далекой крестьянской глубинки, то сегодня наметилась обратная тенденция социальной дезинтеграции страны, особенно рельефно проявляющаяся именно в деревне. Это выражается не только в том, что в ее социокультурном пространстве все больше становится, как уже показано, вытесняемых из системы общественных связей маргинальных и люмпенизированных людей, но и в резком снижении социально-культурных контактов между «нормальными» гражданами»⁶.

Во-вторых, мы наблюдаем изменение ценностно-смысловой основы формирования социального капитала. Наиболее продуктивным вариантом его формирования является опора на коллективистские ценности – доверие, справедливость, патриотизм, солидарность, детерминирующие консолидирующий габитус контрагентов. Однако значение их стало снижаться еще в 90-е годы. Белгородские социологи уже в то время отмечали, что «на первый план в структуре ценностей селян выдвигаются материальное благополучие, индивидуальные ценности здоровья и семейных отношений. Снижается значение духовных ценностей, ценностей общения»⁷. Процесс ценностно-смысловых модификаций в сознании сельского населения стимулировался разрушением коллективных (во многих случаях квазиколлективных) форм хозяйствования и дискредитацией общественных идеалов, особенно болезненно переживаемой крестьянами, сохранявшими традиционную веру в их необходимость и возможность, даже вопреки утилитарным практикам социальной деятельности.

Безусловно, на основе индивидуалистических ценностей вполне возможно формирование и воспроизводство социального капитала также возможно, что, собственно говоря, и имеет место в современной деревне. Но такой тип капитала способен порождать (и нередко порождает) социальные конфликты как результирующие противостояния групп с противоположными ценностно-смысловыми установками. Развитие событий позволяет прогнозировать нарастание конфликтности, в том числе и за счет увеличения масштабов этнической миграции в сельскую местность⁸. При этом нельзя не учитывать,

⁵ См.: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2007 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М., 2008; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2012 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М., 2013.

⁶ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // СОЦИС. 2004. № 12. С. 73.

⁷ Бабинцев В.П., Ечин Н.М. Ценностный мир современного российского крестьянства // Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001. С. 553.

⁸ В частности, в Белгородской области мигранты все чаще ориентируются на проживание в селе, а не в городе. Так, если в 1989 г. 62% азербайджанцев Белгородской области были горожанами, то в 2010 г. это число сократилось до 37%; аналогичные показатели у татар – 84% и 64%, у немцев – 83% и 60% соответственно и т.д. – Рассчитано по данным: Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 117; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Белгородской области. Т. 4. Национальный состав и владение языками. Гражданство. Белгород, 2012. С. 6-12.

что отличающиеся от коренного населения этнические мигранты, как правило, обладают более солидным по сравнению с «аборигенами» социальным капиталом, с одной стороны, замыкающимся на клановые связи, с другой стороны, на вертикально организованные структуры, чья поддержка обеспечивается материальными и нематериальными способами, и используют его в конкуренции с соседями. Социологи отмечают, что уже сегодня «во многих муниципалитетах, особенно вымороченных, местная власть взаимодействует с мигрантами эффективнее, чем с коренным населением. Причины называются очевидные: приезжие, претендующие на общие с местными ресурсы, действуют так, как не могут местные – они покупают доступ к ресурсам у их официальных распорядителей. Местных жителей сдерживает общественное мнение, круговая порука и психологическая неготовность вступить в такие отношения с представителем власти»⁹.

В-третьих, наблюдается переориентация селян на вертикальные и все чаще внешние связи, являющаяся следствием отмеченного ниже осознания дефицита ресурсов, которыми располагают равнозначные или соизмеримые по статусу контрагенты. Современный сельский житель более или менее отчетливо понимает, что родственники и знакомые, проживающие рядом с ним, даже при наличии своего желания, вряд ли способны оказать ему эффективную помощь и поддержку в достижении успеха, а особенно в трудной жизненной ситуации. Вполне естественно, не отрицая важности семейно-родственной поддержки, он начинает либо полагаться только на себя, либо ищет покровительство вертикально интегрированных структур, как правило, рассчитывая на неформальные связи. Наиболее оптимальным в данной связи выглядит продвижение родственников в структуры управления и использование их возможностей.

Акцент на неформальные отношения чаще всего определяется низким уровнем доверия большинству общественных институтов, прежде всего, государству. Имеет место и третья позиция, заключающаяся в разочаровании в жизни и в утверждении невозможности что-либо изменить. Отмечая распространенность такой установки, выявленной по результатам социологических исследований, Б.Г. Акчурин пишет: «Значительная часть сельского населения Башкортостана постоянно или периодически чувствует беспомощность и невозможность изменить в жизни что-либо»¹⁰. Неизбежным следствием подобных настроений является распространение алкоголизма и наркомании, суицидальных настроений.

В-четвертых, на селе имеет место элиминация фактора «земли» из процесса межличностного и межгруппового взаимодействия. Наличие этого фактора можно рассматривать, на наш взгляд, как одну из главных особенностей процесса формирования и воспроизводства социального капитала сельского населения в России, для которого было типично объединение посредством земли¹¹. В течение, практически, всей истории России земля рассматривалась крестьянами не только как объект трудовой деятельности, но как сила, определяющая все формы предметно-практического и духовного бытия человека. Она имела сакральный характер и обладала властью над личностью, определяя значение которой, Г.И. Успенский писал: «А тайна эта (тайна земли – Г.В.) поистине огромная и, думаю я, заключается в том, что огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужественно-сильна и детски-кротка – словом, народ который мы любим, к которому идем за исцелением душевных мук, – до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли, покуда в самом корне его существования лежит невозможность послушания ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют его существование ... Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него,

⁹ Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. 2011. № 1. С. 13.

¹⁰ Акчурин Б.Г. Духовное здоровье сельского населения Башкортостана // СОЦИС. 2001. № 12. С. 107.

¹¹ Разумеется, это не означает, что в ряде случаев земля выступала и в качестве источника конфликтов. Однако конфликты не являлись определяющим началом в отношениях в крестьянской среде.

от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, – добейтесь, чтобы он забыл «крестьянство», – нет этого народа»¹².

В ходе российских реформ произошло именно то, о чем писал Г.И. Успенский, – сельское население в своем абсолютном большинстве было лишено земли. Она все более сосредоточивается в агрохолдингах. Так в Белгородской области в их владении находится более трети земель. Кроме того, ко второй половине десятых годов XXI в области функционировало 37 агрофирм, занимавших 581000 га пахотной земли¹³. Земля, от которой все больше отчуждается житель села, перестала выступать в качестве консолидирующего начала общественной жизни, утратила свое сакральное значение и отныне уже не может считаться фактором формирования и воспроизводства социального капитала.

Таким образом, конструируемый в результате российских реформ жизненный уклад сельского населения существенно меняет характер его социального капитала. При этом большинство изменений носит ярко выраженный негативный характер. Однако нельзя не отметить, что нестабильная социальная среда, продуцирующая комплекс новых рисков и угроз, стимулирует усилия личности по актуализации ресурсов, накопленных за счет интеграции в референтную среду, побуждая использовать их не только при решении проблемы элементарного выживания, но и самореализации. Наличный социальный капитал человека и группы все реже остается потенциальным, сама жизнь заставляет его актуализировать. Способность к этому в значительной степени зависит от самого субъекта социального действия. Но, к сожалению, в большинстве своем сельские жители не готовы к активной жизнедеятельности в условиях некалькулируемого риска.

Ситуацию принципиально не меняют попытки реанимировать традиционные культурные образцы в виде возрождения народной культуры (фольклорные коллективы, национальные обычаи, праздники), которая более или менее последовательно стимулируется местной властью. Однако, во-первых, размывание крестьянской природы сельского населения лишает эту культуру прочного основания; во-вторых, она все более воспринимается в ее ритуальной ипостаси, не связанной с повседневной жизнью (а подлинная культура предполагает подобную органическую связь); в-третьих, в развитии народной культуры существенно выражен чисто конъюнктурный аспект. Будучи оторванной от социальных реалий, народная культура, скорее, будирует некие воспоминания о былом, об отношениях доверительности и поддержке в прошлом, чем реально способна побуждать к их установлению в настоящем.

Список литературы

1. Крисанов, А. А. Русская национальная идея и исторические судьбы русского крестьянства [Текст] / А. А. Крисанов // Национальная идея в контексте российской ментальности : Материалы Международной научно-практической конференции 20-21 ноября 2003 г ОрёлГТУ. – Орёл : типография ОрёлГТУ, 2004. – С. 46 – 55.
2. Бабинцев, В. П. Ценностный мир современного российского крестьянства [Текст] / В.П. Бабинцев, Н. М. Ечин // Крестьянство в исторической судьбе России : [Монография] / [Агафонов В.П., Антонов Е.А., Баздырев Г.И. и др.]; [Науч. ред. Агафонов В.П.]; М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации. Департамент кадровой политики и образования. Моск. с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева. – М. : Изд-во МСХА, 2001. – 674 с. : табл. – С. 537 – 545.
3. Великий, П.П. Российское село в условиях новых вызовов [Текст] / П. П. Великий // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 60-65.
4. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 году» [Электронный ресурс]. – Ре- жим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.
5. Численность населения Белгородской области на 1 января 2014 года» [Электронный ресурс]. – Ре- жим доступа: http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/resources/73e172004f455cbe85ffd5e1000af5d8/cisl_2014.htm.

¹² Успенский Г.И. Власть земли. М., 1988. С. 213.

¹³ Виссер О., Споор М. Захват земли в постсоветских странах // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. С. 76.

6. Зотов, В. В. Становление информационно-коммуникативной среды современного общества: социологический анализ институциональных трансформаций [Текст] : монография / В.В. Зотов; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Курский гос. технический ун-т». – Курск : Курский гос. технический ун-т, 2007. – 232 с.
7. Братимов, О. В., Практика глобализации: игры и правила новой эпохи [Текст] / О.В. Братимов, Ю.М. Горский, М.Г. Делягин, А.А. Коваленко. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 344 с.
8. Горшков, М. К. Российское общество как оно есть [Текст] : (опыт социологической диагностики) / М.К. Горшков; Российская акад. наук, Ин-т со-циологии. – М. : Новый хронограф, 2011. – 671 с.
9. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2007 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_102/Main.htm.
10. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2012 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_102/Main.htm.
11. Староверов, В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни [Текст] / В.И. Староверов // СОЦИС. – 2004. – № 12. – С. 64 – 73.
12. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php
13. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Белгородской области [Текст]. Т. 4. Национальный состав и владение языками. Гражданство. – Белгород, 2012. – С. 6-12.
14. Кордонский, С. Г. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) [Текст] / С.Г. Кордонский, Ю.М. Плюсин, Ю.А. Крашенинникова, А.Р. Тукаева, О.М. Моргунова, Д.Э. Ахунев, Д.В. Бойков // Мир России. – 2011. – Т.20. – № 1. – С. 3 – 33.
15. Акчурин, Б. Г. Духовное здоровье сельского населения Башкортостана [Текст] / Б. Г. Акчурин // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 103-107.
16. Статистика алкоголизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alcoholismhls.ru/2014/03/27/statistika-alkogolizma-v-rossii/>.
17. Статистика распространения наркомании в России за 2000-2010 гг. Справка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://narcolog.com.ua/drug/prevalence/statistika_ras_1020.html.
18. В мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://narkotiki.info/world/statistics_rus.php.
19. Статистика наркомании в России. URL: <http://rehabcentr.ru/statistika> (дата обращения 05.02.2014 г.) Успенский, Г.И. Власть земли [Текст] : [Сборник] / Г. И. Успенский; [Сост., авт. предисл., 5-22, и примеч. А. П. Ланщиков]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 395 с.
20. Виссер, О. Захват земли в постсоветских странах [Текст] / О. Виссер, М. Споор // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. – 2011. – Вып. 6. – С. 68 -97.
21. Артемов, В. А. Село 90-х годов: тенденции повседневной деятельности сельского населения [Текст] / В.А. Артемов// Социологические исследования. – 2002. – № 2. – С. 61-70.
22. Запесоцкий, А. С. Молодежь России: проблемы социализации [Текст] / А.С. Запесоцкий // Социология образования. – 2011. – № 11. – С. 4 – 17.
23. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть // Информация на электронном носителе [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа : http://www.ukma.kiev.ua/pub/MWT/Text/Baudrillard/Boudr_2.html.

RISK FACTORS WHEN FORMING THE SOCIAL CAPITAL IN THE VILLAGE

G.V.BRAZHNIK¹⁾

N.V.SHEVCHENKO²⁾

Belgorod National Research University

^{1) e-mail:}
bsaa-brazhnik@mail.ru

^{2) e-mail:}
Nshevchenko@bsu.edu.ru

The article considers the role of the social capital in development of rural society. The conditions of formation and reproduction of the social capital of the modern Russian village are discussed in the paper. The question of possibility of building of the social capital of the village is staticized. Risk factors come to light when forming the social capital in the village and their characteristic is given.

Keywords: social capital, rural society, reproduction of the social capital, Russian peasantry.